

Протоиерей Александр Зелененко Педагогический семинар по рассказу Бориса Алмазова «Простите меня»

(Из книги «Хлеб наш насущный» – Ленинград, 1991)

Предлагаем вашему вниманию несколько необычный для газеты материал – изложение педагогического семинара по литературному произведению. Отец Александр Зелененко – постоянный автор статей на педагогические темы. Данный материал – первая проба на стыке педагогики и литературоведения. Одноименный семинар недавно проходил в нашей школе, но оказалось досадно мало участников. Благодаря этой публикации, участниками семинара станут все наши читатели.

Сегодня в педагогической сфере как никогда много противоречий и разномыслия: в идеалах, в ценностных приоритетах, в мировоззренческих позициях, во взглядах на развивающуюся личность и на учебно-воспитательный процесс. При полной рассогласованности, царящей сегодня в сфере педагогики, неудивительно, что элементарная воспитанность детей стала большой редкостью, не говоря уже о воспитании христианском.

Актуальнейшим становится вопрос обретения истинных духовно-нравственных ценностей, понятий и ориентиров в жизни людей, а так же принципов воспитания подрастающего поколения. Современная семья и школа, как видим, всё более устремляются от своей воспитательной функции. Теряется не только качество воспитания детей, но и само изначально-сущностное понимание этого процесса, его значение и судьбоносность, так как в детях не только наше будущее, но и наше настоящее, и особенно наше вечное будущее.

Что первостепенно важно для жизни и правильного воспитания детей

Для правильного воспитания человека необходимо:

– ясное и верное представление об идеале совершенства, как желанной цели, к которой призван и должен быть устремлён человек;

– самопознание, открывающее человеку меру несоответствия и удалённости от этого идеала;

– знание пути, средств, принципов, правил и методов, необходимых для уподобления идеалу.

Идеал определяет вечное и неизменное в человеческой природе, и чем она должна быть согласно замыслу Творца. Идеал в жизни и педагогике определяется как высшая цель, и одновременно, цель, задающая направление человеческому мышлению, чувствам, желанием, усилием воли и всей человеческой жизни.

1. **Идеал**, являясь высшей ценностью, указывает на цель, а по степени близости к нему, определяет и выстраивает всю иерархию ценностей.

2. **Цель** определяет главные смыслы, задачи и характер деятельности на пути к её достижению.

3. **Смыслы и задачи** выявляют жизненные установки и педагогические принципы, которыми должно руководствоваться человеку в процессе самовоспитания.

4. **Принципы**, в свою очередь, реализуются через педагогические правила и методические приемы, которыми должен овладеть каждый воспитатель с рассудительностью и чуткостью, дабы спасительно вести дело воспитания.

Рассказ писателя Бориса Алмазова «Простите меня» даёт нам богатый в педагогическом отношении материал и возможность всмотреться в жизненную ситуацию его персонажей, поразмышлять над ней и выявить те важные основы воспитания ребёнка, которые помогут нам в нашей жизни верно ориентироваться, видеть педагогические ошибки, лучше разбираться, правильно рассуждать и обретать устойчивую позицию, чтобы вести процесс воспитания наиболее душевительно.

АЛМАЗОВ
Борис Александрович –
член союза писателей РФ,
автор более 40 книг,
почётный атаман северо-западного
округа Союза казаков,
доцент кафедры
связей с общественностью
Санкт-Петербургского ГУФК
им. П.Ф. Лесгафта.

Рассказ «Простите меня!»

Часть I. «Из голода в голод».
(О том, как экстремальная ситуация-голод, обнажает немощи и страсти).

Настоящего голода, какой пережила моя бабушка в блокаду, а мама на Ленинградском фронте, я не помню, но голодные времена застал. После войны в Ленинграде бабушка, мама и я буквально перемогались, получая хлеб по карточкам, и все мечтали: «Вот приедем на Дон...»

Возвращаясь домой после многочасовых стояний в очередях за мукой, которую только начали продавать, после давки, духоты и истерических слухов: «Кончилась! Больше не будет!», мы принесли три пакета – бабушкин, мамин и мой, и вот тут-то начинались воспоминания о каких-то сказочных временах, о невероятных урожаях и пышных казачьих калачах... Мне эти рассказы казались фантастическими, как легенда про золотые яблоки! Разве могут быть яблоки из золота?

Но я тоже мечтал. Мечтал и надеялся...

И, наконец, мы поехали в голубые степи, в края ковылей и маков, прозрачных рассветов, пшеничных караваев и всех земных плодов. А когда добрались до нашего хутора, нас настиг голод.

Всё оказалось неправдой! Степь была не голубой, а удушающе-пыльной, пожухлой. На иссечённой трещинами голой земле, как спицы, неподвижно стояли пустые колосья, и над всем этим – тусклое от жары солнце в белёсом мареве засухи... Бродили коровы с выпирающими мослами, лошади, глядящие по-человечьи измученно и покорно.

Мужчины были в основном инвалиды, вернувшиеся с войны, с ввалившимися глазницами, обтянутыми потрескавшейся кожей скулами и лихорадочным блеском в глазах. До сих пор помню их ссутуленные плечи и огоньки бесконечных самокруток, угольками вспыхивающие в чёрных кулаках. Женщины с тонкими, горько поджатыми губами и коричневыми лицами под низко надвинутыми платками. Ребятишки, молчаливые, пузатые, тихо выискивающие по канавам и у провалившихся плетней какие-то съедобные корешки и щавель, постоянно жевали.

Нас спасли два вещевых мешка сухарей. Ежедневно утром и вечером мы извлекали оттуда два сухаря, и бабушка внимательно следила, как я их ем: «Чтобы по-людски, за столом, не торопись, чистыми руками, обязательно прихлебывая из миски отвар свекольной ботвы. Не в сладость, а в сытость...»

Боже мой, а что же они с мамой ели? Что вообще ели взрослые, если детей кормили лепешками из лебеды?

Вопросы к обсуждению 1 части рассказа:

1. Какие особенности семьи открылись вам в этой части рассказа?

2. Как переживались эти жизненные испытания ребёнком и взрослыми?

Часть II. «Греховный поступок мальчика».

И вот однажды, когда я искал с соседским мальчишкой какие-то «каланчики» и ел их на огороде, его сестрёнка, бледная, как бумага, даже под степным солнцем, с белыми косицами, в выгоревшем до белизны платье, появилась среди пустых грядок и позвала меня.

– К вам дядька на бричке приехал!

И точно. В нашем дворе стояла таратайка. Лошадь дергала кожей на животе, отгоняя мух.

И уже здесь я почувствовал идущий от тележки запах. Я влетел на крыльцо и наткнулся на целый пласт этого аромата. Он стоял как раз на уровне моего носа. Из сеней запах потащил меня в комнату к бабушкиному комоду. Там, во втором ящике, под старенькой простыней, я увидел четыре огромных, душистых, белых каравая с высокими пористыми боками, блестящих масляной корочкой. От их запаха у меня кружилась голова, но впитаться в хлеб, разломать его, откусить я не посмел. С великой натугой я закрыл комод.

– Нечто! – доносился из соседней комнаты мужской голос. – По крайности, войны нет... Сдюжим... А в июле сколь-нибудь соберём. Местами хлеб есть...

– Егорушка! – ахала бабушка. – Да что ж ты всё нам, у тебя своих пятеро...

– А у меня ещё есть. Это нам артельный на трудодни зерно выдал, дай ему Бог здоровья. И где взял? А я так думаю... – сказал он, поворачиваясь ко мне. – У моих-то – отец, вот он, с руками и ногами, а ему кто, сироте, даст?